Р.В. Кулепанов*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯПОНИИ

В статье рассматривается процесс формирования идеологического базиса вооруженных сил императорской Японии в 1850-х – 1940-х гг., который складывался на основе синтеза элементов традиционной японской культуры (синтоизма, кодекса бусидо, культа божественного императора) и идей национализма, милитаризма и территориальной экспансии. Автор полагает, что именно глубокая укорененность милитаристской идеологии в традиционную культуру Японии обеспечила ее прочность и устойчивость в непростых условиях военного времени.

Ключевые слова: идеология, пропаганда, Вторая мировая война, вооруженные силы Японии, бусидо, синто, тэнноизм, кокутай

Ideological basis of the Imperial Japanese military forces. RUSLAN V. KULEPANOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article traces the formation of the ideological basis of the Imperial Japanese military forces from the 1850s to the 1940s. It was based on a synthesis of the elements of traditional Japanese culture (such as Shintoism, bushido, the cult of the divine emperor) and the ideas of nationalism, militarism, and territorial expansion. The author believes that it was the deep rootedness of the militaristic ideology in the traditional culture of Japan that ensured its strength and stability under difficult conditions of the wartime.

Keywords: ideology, propaganda, World War II, Japanese military forces, bushido, Shinto, Tennoism, kokutai

Одной из особенностей Второй мировой войны было участие в вооруженном конфликте идеократических режимов, мобилизовавших широкие слои населения на участие в боевых действиях с помощью массовой пропаганды. Наибольшей эффективности идеологическая обработка – как личного состава вооруженных сил, так и гражданского населения – достигла в Японии. Причиной этого являлось то, что обработка была основана на сочетании глубоких культурных традиций и современных средств пропаганды.

В настоящее время можно выявить четыре основные составляющие идеологического базиса вооруженных сил императорской Японии:

- традиционная религия синто, религиозный культ императорской власти – тэнноизм и идеологическая концепция кокутай;
- традиционная культура Японии, в первую очередь традиции средневекового воинского сословия буси;
- милитаристская идея территориальной экспансии в Юго-Восточной Азии – Великая

* КУЛЕПАНОВ Руслан Владимирович, старший лаборант отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: csword@yandex.ru

© Кулепанов Р.В., 2019

восточноазиатская сфера совместного процветания.

- пропагандистская работа представителей милитаристских кругов, в первую очередь идеологов политической группировки «Фракция императорского пути» («Кодоха»).

Важнейшей основой идеологии японской императорской армии являлась традиционная религия синто, принявшая форму государственной религии – идеологии после реставрации Мэйдзи. В конце XIX – начале XX вв. правительство приняло ряд мер по установлению жесткого контроля над религией. Была упорядочена обрядность, религиозные организации отданы под контроль правительства, святилища использовались для распространения официальной идеологии [4, с. 289–291]. Самым ярким проявлением стало строительство в 1869 г. храма Ясукуни. Храм, построенный в честь воинов, павших за императора, обладал особым статусом и в отличие от прочих святилищ, находившихся в ведении министерства внутренних дел, подчинялся военному министерству. Служители храма Ясукуни назначались военным ведомством, религиозные обряды проводили офицеры высокого ранга, охрану осуществляли военнослужащие военной полиции. Культ Ясукуни носил форму вызова душ воинов, погибших за императора. Изначально в храме были перечислены имена 3 858 участников гражданской войны Босин. К концу Второй мировой войны число обожествленных воинов, умерших за императора, превысило 2 466 000 [4, с. 293–294].

Культ божественного императора на протяжении всей истории Японии был частью традиционной религии японского народа. Концепция божественного происхождения императорской власти начала формироваться в рамках традиционной религии, одновременно с японской государственностью. Первые правители догосударственных объединений обосновывали свой статус путем выполнения функций верховного жреца [11, с. 8]. В ходе процесса формирования централизованного государства в VIII в. происходило закрепление статуса императора в письменных летописно-мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки». Сегуны из клана Токугава продолжили традицию возвеличивания императора, присвоения ему формальных религиозных функций с целью отдалить его от реального управления [11, с. 8–14].

В конце XVIII – начале XIX вв. в условиях кризиса феодальной власти сегуната Токуга-

ва активизируется деятельность сторонников восстановления императорского правления. Большое значение для идеологического обеспечения свержения власти Токугава имела философская школа Мито, выдвинувшая лозунг «Сонно дзёи» («почитание императора, изгнание варваров»). Одним из наиболее видных представителей школы Мито был Аидзава Сэйсисай, автор концепции кокутай. В своей работе «Синрон» («Новые тезисы»), написанной в 1825 г., он отстаивал единство императорской власти и синтоизма, подчеркивая происхождение императорской династии от богини Аматэрасу. Добавляя элементы конфуцианской этики, Аидзава Сэйсисай превозносил принцип лояльности и сыновней почтительности [15, с. 3]. Таким образом, объединяя синтоизм, культ императора и конфуцианство, Аидзава Сэйсисай сформулировал теорию «кокутай». Термин «кокутай» обычно переводится как «национальная сущность» и включает в себя идею господства института императорской власти, божественное происхождение императорской власти и самого государства, тесную мистическую связь императора с его подданными, а также особые ценности японского народа, воплощенные в моральных идеалах лояльности и почтительности [24, с. 7].

Идеи, высказанные Аидзава Сэйсисай, отражали настроения, получившие распространение в Японии в середине XIX в., и фактически стали идеологической основой реставрации Мэйдзи [7, с. 647]. Основные положения культа божественного императора нашли воплощение в законе об Императорском доме и в конституции Мэйдзи 1889 г. В связи с этим В.В. Савастеев отмечал: «Анализируя структуру японской конституции, можно сделать вывод о том, что по существу она была разделена на две части, равные по своей значимости: закон об Императорском доме и конституцию Мэйдзи. Оба документа являются высшими законами в стране, ни один из них не стоит выше другого» [12, с. 64]. Первый раздел конституции, включавший в себя 17 статей, определял статус императора, его права, привилегии и обязанности. Первая статья конституции гласила: «Японская империя управляется непрерывной императорской династией на вечные времена» [25, с. 382–383]. Согласно конституции, император сосредоточивал в своих руках всю полноту власти, в том числе верховное командование армией и флотом [25, с. 382–383]. «Конституция Мэйдзи

основана на принципе, по которому суверенитет принадлежит императору, точнее – непрерывной божественной линии императорского дома, – отмечал В.В. Совастеев. – Императорская линия (система) божественна по своему происхождению, поэтому никто, даже император, не вправе изменить ее» [12, с. 65].

Помимо конституции статус императора был зафиксирован в «Императорском указании для военнослужащих», изданном в 1882 г. Данный документ подчеркивал главенствующую роль императора в иерархии вооруженных сил: «Я являюсь главнокомандующим для вас – военных, и поэтому надеюсь, что вы будете моей лучшей опорой, и хочу, чтобы вы почитали меня, как своих родителей. Наша дружба должна быть особенно тесной. Я защищаю и контролирую страну в соответствии с милостью Неба, и смогу я или нет воздать благоденствие нашим предкам, зависит от того, как вы будете выполнять ваши обязанности» [2, с. 51]. Указание определяло лояльность императору как основной моральный принцип японского солдата: «Любой, кто родился в нашей стране, и не отдает ей свой долг, особенно если это человек, ставший военным, – бесполезный человек... Если войска в совершенстве освоили строевую подготовку, но не служат честно и преданно, они представляют собой лишь толпу бесполезных людей. Прежде всего армия защищает страну и поддерживает ее престиж и могущество. Состояние вооруженных сил определяет процветание либо упадок страны. Солдаты не должны вмешиваться в политику и вводиться в заблуждение общественностью. Они должны всей душой хранить верность долгу, помня о том, что долг тяжелее горы, а смерть легче лебяжьего пуха. Утратив лояльность, вы потерпите поражение и запятнаете свою честь» [2, с. 51].

Летчик-камикадзе Я. Кувахара вспоминал: «Имперское предписание солдатам и матросам, отданное императором Мэйдзи в 1882 г., считалось практически священным. Это был документ, состоявший из нескольких страниц, которые каждый военный был обязан знать наизусть. Его сложные правила и философию требовалось поглощать через постоянную зубрежку и медитации. Каждый должен был быть готовым в любой момент процитировать его, полностью или по частям. Иногда японских бойцов заставляли повторять его наизусть полностью на каждой вечерней проверке. Распевное чтение длилось около четверти часа» [5, с. 60–61].

Еще одним важнейшим элементом в распространении идеологии тэнноизма был «Императорский рескрипт об образовании» 1890 г. Главной целью рескрипта было внедрение в образовательную систему концепции божественного императора тэнно: «Наши имперские предки основали нашу империю на широкой и постоянной основе и глубоко и непоколебимо установили добродетель. Наши подданные, объединенные лояльностью и сыновним благочестием, из поколения в поколение демонстрировали красоту этого. ... Вы, наши подданные, будьте почтительны с вашими родителями ... всегда уважайте Конституцию и соблюдайте законы; если возникнет любая чрезвычайная ситуация, смело предложите себя государству, и таким образом, охраняйте и поддерживайте процветание нашего императорского трона, ровесника Земли и Небес. Так вы будете не только верными подданными, но и прославите лучшие традиции ваших предков» [20, с. 29].

В справочнике, подготовленном управлением командующего военной полицией армии США, рескрипт об образовании характеризуется следующим образом: «Главная цель японского образования, выраженная в императорском рескрипте об образовании, выпущенном 30 октября 1890 г., заключается в том, чтобы подчеркнуть фундаментальные достоинства сыновнего благочестия и в то же самое время неразрывно связать эти достоинства с лояльностью к императорскому трону и судьбе Японии» [16, с. 5].

Наибольшее распространение идеология тэнноизма получила благодаря публикации в 1937 г. книги «Основные принципы кокутай» («Кокутай-но хонги»), являвшейся официальным идеологическим каноном японского авторитарного режима. «Кокутай-но хонги» публиковалась огромными тиражами и распространялась во всех образовательных учреждениях со специальной инструкцией о необходимости как можно более широкой пропаганды идей, содержащихся в книге [11, с. 39]. «Кокутай-но хонги» внедряла в сознание масс представления о качествах, присущих идеальному японцу – лояльность, патриотизм, сыновняя почтительность, боевой дух. Рассматривалась угроза культурной и национальной идентичности японцев со стороны западной культуры и идеологии. Концепция тэнно была важнейшей составляющей в «Кокутай-но хонги»: «Великой Японской империей правит непрерывная

в веках династия императоров по повелению основателя государства. Это и есть извечная суть нашего государственного организма. Основываясь на этом великом принципе, весь <наш> народ, единый душой и сердцем как одна семья и повинующийся воле императора, исповедует священные добродетели верности и сыновнего почтения. ... Почитание императора подданными не есть просто долг как таковой и не подчинение силе; это естественное выражение их душевной и сердечной воли, проявление собственной преданности повелителю. Мы, подданные, испытываем глубокое благоговение перед императорской фамилией, не знающей себе равных в мире» [10, с. 339–340]. В тексте «Кокутай-но хонги» последовательно провозглашалась идея абсолютного служения императору: «Верность есть путь преданности императору как основе основ и повиновения ему. Повиновение есть отказ от своего “я” и всецелое служение императору. Следовать путем верности – вот единственный путь нашей жизни и источник нашей силы. Отдать жизнь за императора не значит “пожертвовать собой”, но лишь отказаться от собственного ничтожного “я” ради жизни в свете августейших милостей, ради подлинной жизни подданного» [10, с. 343].

В период Войны на Тихом океане культ тэнно был важнейшей идеологической основой императорской армии. В справочнике по вооруженным силам Японии, подготовленном военным департаментом США, отмечалось: «На индивидуальный взгляд японского солдата и отношение к жизни, естественно, влияет его домашняя жизнь, его учеба, его особая социальная среда с ее бесчисленными репрессирующими конвенциями и его военная подготовка. В японской социальной системе индивидуализму нет места. Эта система послушания и лояльности распространяется на сообщество и японскую жизнь в целом; она проникает вверх от семьи через соседские ассоциации, школы, фабрики и другие более крупные организации, пока, наконец, весь японский народ не проникнется духом самопожертвования, послушания и верности самому императору... На протяжении всей военной подготовки японскому солдату не разрешается забывать все, чему его учили дома, в школе или на заводе. Это вбивается в него снова и снова, пока его военная подготовка продолжается повторными лекциями командиров подразделений, которые даются под видом “духовного обучения”» [18, с. 8–9].

Примером идеологической обработки военнослужащих императорской армии является лекция, написанная неизвестным лейтенантом японской армии в середине 1943 г. Рассматривая причины побед японской армии, неизвестный офицер делал акцент на императорской власти как основе японского государства и источнике истинно японского боевого духа: «Императорская семья – это свет, жизнь, гордость Японии. По правде говоря, Япония является Японией, а японцы – японцами из-за императорской семьи. Из этого сознания рождается японский дух. Появляется лояльность, которая совершенно игнорирует безопасность дома и семьи – даже свою собственную жизнь – ради благосостояния императора и страны. Этот дух является чем-то уникально японским, совершенно отличным от американского, английского или китайского» [21, с. 45–46].

В вооруженных силах долг перед императором переносился на всю командную структуру. Беспрекословное выполнение любого приказа командира, в том числе и приказа совершить самоубийство, было обусловлено тем, что любой командир говорил от имени императора и выражал его волю: «Однако приказание императора подданный слышит в передаче стоящих между ним и императором посредников. “Он говорит от имени императора” – фраза, пробуждающая тью, и она, вероятно, обладает санкционирующей силой более мощной, чем та, которой располагает современное государство. Лори описывает инцидент, происшедший в мирное время на военных маневрах, когда один офицер вывел на них свой батальон и запретил солдатам пить воду из фляг без его разрешения. ... В тот день в пути от жажды и изнеможения двадцать человек лишились сил. Пятеро умерли. Когда заглянули в их фляги, то обнаружили, что они остались нетронутыми. “Офицер отдал команду. Он говорил от имени Императора”» [1, с. 93].

Идеология бусидо, в том виде, в котором она сложилась к 1930-гг., была тесно связана с государственной религией синто и культом божественного императора – тэнно. Осмысление традиций и культуры средневекового воинского сословия и внедрение этих традиций в идеологический базис японской армии активно происходило во второй половине XIX – начале XX вв. Изначально, единого, четко сформулированного кодекса воинского сословия, пригодного для распространения через образователь-

ную систему и внедрения в армейскую среду, не существовало. Основные постулаты самурайской этики не выходили за рамки народного фольклора и литературных источников периода эпохи Токугава и находились в поле зрения достаточно узкой группы историков, литературоведов и философов. Такие литературные произведения, как «Хагакуре», «Будосёсинсю», «Горинносё», не были интегрированы в идеологический базис государства.

Переосмысление термина «бусидо», придание ему нового содержания и использование в государственной идеологии происходило с середины XIX в. Одним из первых, кто начал интегрировать бусидо в идеологию государства, стал выдающийся политический деятель, философ, идеолог «реставрации Мэйдзи» Ёсида Сёин. В раннем возрасте Ёсида Сёин унаследовал должность преподавателя воинского искусства на основе трактатов конфуцианского идеолога и военного теоретика Ямага Соко [12, с. 24]. В историографии именно Ямага Соко называют одним из первых идеологов бусидо эпохи Токугава. Ёсида Сёин написал развернутые комментарии к работам Ямага Соко и неоднократно обращался к идеологии бусидо в своей пропагандистской и политической деятельности. Как отмечает Т.Г. Сила-Новицкая, представитель движения «императорских лоялистов» Ямага Соко «сумел органично соединить синтоистскую идею “почитания императора” с положениями морального кодекса самураев – “бусидо”, что в дальнейшем обусловило особое внимание националистических идеологов к его взглядам» [11, с. 14]. Огромное значение имело то, что идеи Ёсиды Сёин определили путь развития Японии во второй половине XIX в. Среди его учеников были автор японской конституции, первый премьер-министр Ито Хиробуми, создатель императорской армии маршал Ямага-та Аритомо и другие видные политики. Ито Хиробуми так оценил роль Ёсиды Сёин: «Он учил нас национализму, преданности монарху и этике бусидо с божественным воодушевлением» [12, с. 31]. Ёсида Сёин называют основоположником японского национализма и экспансионизма. В.В. Совастеев отмечал: «Внешнеполитическая программа, нарисованная Ёсидой Сёин, была основана на такой логике: независимость – гарантия силы, экспансия – условие независимости... Он считал, что нужно оккупировать не только Хоккайдо и Рюкю, на которых Япония к этому времени не успела укрепиться, но впо-

следствии Корею, Маньчжурию и Китай и даже Индию» [12, с. 26].

После реставрации Мэйдзи, в условиях активной вестернизации, для Японии остро встал вопрос о значении традиционной культуры и религии, а также их взаимодействии с европейской культурой, религией, политическими традициями. Одной из реакций стало использование бусидо в качестве культурно-идеологического барьера на пути проникновения западных политических, культурных и религиозных ценностей. Закономерным результатом стал интерес к бусидо со стороны радикальных экспансионистских националистических кругов.

Тесное переплетение бусидо с японским национализмом и использование идеологии милитаристскими кругами происходило в работах Судзуки Тикара. Судзуки Тикара видел в бусидо комплекс ценностей, способный сохранить культуру и традиции японцев и поставить барьер проникающей в Японию европейской культуре, западному парламентаризму и христианству [13, с. 106]. Будучи помощником редактора газеты «Нироку Синпо», Судзуки Тикара с 1893 г. тесно сотрудничал с радикальными обществами «Гэнъёся» и «Кокурюкай». В 1893–1894 гг., в период восстания Тонхаков в Корее, Судзуки Тикара входил в состав радикальной группировки «Тен'ёкё», занимавшейся шпионажем на территории Кореи и организовывавшей силовые акции, направленные против войск Цинской империи [13, с. 99–100]. Судзуки Тикара подчеркивал необходимость внедрения элементов бусидо в образовательную систему, рассматривая это как основу экспансионистской внешней политики в Азии [13, с. 96–105].

Наибольшего развития идеология бусидо получила в начале XX в. В историографии этот период получил название «бум бусидо». На фоне победы Японии в Русско-японской войне интерес к феномену воинского духа проявили такие идеологи и философы, как Инадзо Нитобе и Тецудзиро Иноуэ [23, с. 108].

Пристальный интерес всего мира к Японии, заявившей о своих амбициях и одержавшей победу над крупной европейской державой, способствовал широкому распространению работы «Бусидо. Самурайская этика и душа Японии» писателя и просветителя Инадзо Нитобэ. Нитобэ рассматривал бусидо как неписанный кодекс средневекового воинского сословия, особо подчеркивая тот факт, что изначально кодекс не имел устного или письменного вы-

ражения, но обладал силой реального документа, определявшего жизнь многих поколений воинов. Источником бусидо Нитобэ называет синто, дзэн-буддизм, конфуцианство и учение Мэн-цзы. Главными составляющими кодекса были названы смелость, самообладание, справедливость, долг верности, стоицизм, сила духа. Детально рассматривался институт самоубийства как ритуала, позволяющего сохранить честь [8, с. 11].

Трактат Инадзо Нитобэ представляет собой идеализированный взгляд на кодекс, существовавший в прошлом, однако автор утверждал, что дух бусидо вышел далеко за рамки воинского сословия и глубоко укоренился во всех слоях японского общества. Успехи японской армии в Русско-японской войне обусловлены именно духом бусидо: «В боях при Ялу, в Корее и Маньчжурии победил дух наших отцов, который вошел нашими руками и бился в наших сердцах. Он не умер еще, этот дух наших воинственных предков. Имеющий глаза увидит его. Сотрите с японца налет передовых идей и в нем покажется самурай» [8, с. 125–126]. Инадзо Нитобэ призывал «сохранить это наследие, ни на йоту не убавив от древнего духа, в то время как будущее требует распространить его на все сферы жизни и отношения между людьми» [8, с. 126].

Если сочинение Инадзо Нитобэ получило широкое распространение за пределами Японии, то внутри страны наибольший вклад в распространение идеологии бусидо внес Тецудзиро Иноуэ. Иноуэ был тесно связан с правительственными кругами. Будучи профессором философии Токийского императорского университета, он мог широко пропагандировать свои взгляды среди студентов и преподавателей. Кроме того, он регулярно читал лекции для курсантов в армейской подготовительной школе [13, с. 177]. В период 1880–1940 гг. Тецудзиро Иноуэ написал десятки монографий, сотни статей, заметок и комментариев к работам других авторов. Он активно внедрял в общество идеи Ямага Соко и Ёсида Сёин [13, с. 181]. В своих работах Тецудзиро Иноуэ подчеркивал связь Ямага Соко, в качестве идеолога бусидо, с 47-ю ронинами, участниками т.н. «Инцидента Аки», ставшими образцом самурайской этики в Японии начала XVIII в. Дж. Такер отмечает: «В конце концов связка “Соко – ронины” служила важнейшим элементом, вокруг которого Иноуэ объединил такие мотивы, как бусидо, кокутай и сонно, или “почтение к императору”, в ча-

сто повторяющийся идеологический рассказ, поощряющий этику националистического, милитаристского и империалистического самопожертвования» [27, с. 41].

Одним из наиболее ярких проявлений деятельности Тецудзиро Иноуэ в деле пропаганды стало активное участие в дискуссии с профессором Университета Васэда Укита Касутами по вопросу о совершении самоубийства вместо сдачи в плен. Поводом стали события Русско-японской войны, когда 15 июня 1904 г. японские транспортные суда «Hitachi Maru», «Sado Maru», и «Izumi Maru» были уничтожены кораблями Владивостокского отряда крейсеров «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Тот факт, что большинство армейских офицеров отказались сдаваться в плен и покончили жизнь самоубийством, вызвал бурное обсуждение на страницах японской прессы. Сомнения Укита Касутами в необходимости совершения самоубийства для офицеров императорской армии вызвали резко негативную реакцию со стороны Тецудзиро Иноуэ, который рассматривал самоубийство на поле боя как проявление истинного духа Японии и обвинял своего оппонента в поклонении чуждым западным ценностям [13, с. 189].

Огромную роль в распространении идеологии бусидо сыграло самоубийство генерала Ноги Марасукэ в 1912 г. Взгляды Ноги Марасукэ и Тецудзиро Иноуэ на идеологию бусидо полностью совпадали. Генерал посещал лекции Иноуэ, выступал за создание общества Ямага Соко и сам написал несколько статей, в которых рассматривал вклад Ямага Соко в формирование идеологии бусидо [27, с. 48]. Тецудзиро Иноуэ высоко оценил самоубийство генерала Ноги Марасукэ и посвятил этому событию специальную лекцию: «Это был великолепный конец жизни буси, который удовлетворил бы генерала Ноги. На самом деле, если учесть мнение генерала Ноги, это было событие, достойное празднования. ... В любом случае самоубийство-дзюнси генерала Ноги действительно продемонстрировало большую силу бусидо нашей Японии» [Цит. по: 13, с. 278].

Наибольшим вкладом Тецудзиро Иноуэ в дело продвижения идеологии бусидо в армейскую среду стало участие в создании в 1941 г. кодекса «Сенджин-кун» [13, с. 192]. Карманный справочник, выдававшийся всем военнослужащим, состоял из трех разделов, в которых подчеркивалось божественное происхождение власти императора, утверждалась незыблемость

армейской иерархии во главе с императором, превозносилось единство, стремление к победе и боевой дух. Перечислялись важнейшие качества и навыки, которыми должен был обладать военный служащий: благочестие, сыновняя почтительность, скромность и сдержанность, чувство товарищества, беспрекословное подчинение вышестоящим офицерам, ответственность за выполнение приказа, бескорыстие, готовность пожертвовать жизнью и совершить самоубийство, чтобы избежать позора плена.

Таким образом, к 1930–1940 гг. термин «бусидо» получил новое содержание, тесно связанное с радикальным национализмом и экспансионизмом и из размытого литературного понятия превратился в действенный инструмент внутренней и внешней политики.

Одной из главных особенностей идеологии кокутай и концепции тэнно было то, что они были тесно связаны с внешнеполитической концепцией «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания», ставшей идеологической основой агрессивной внешней политики Японии. Основываясь на принципе иерархичности, ее идеологи утверждали, что Япония, как самое развитое государство в Азии, должна занять главенствующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Японский император должен был быть не только государственным, но и региональным лидером. Р. Бенедикт отмечала: «Японцы рассматривали в целом проблему международных отношений с точки зрения своего понимания иерархии, т. е. точно в том же свете, что и свои внутренние проблемы. В течение последнего десятилетия они видели свое место в мире на вершине пирамиды... В своих международных документах они постоянно заявляли о значении иерархии» [1, с. 34].

Создание «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания» подразумевало установление контроля над Маньчжурией, Китаем, французским Индокитаем, Филиппинами, Индонезией, Малайзией, островами Тихого океана. «Япония же считала, что нужно бороться за установление в мире иерархии – конечно же, во главе с ней, так как она одна представляет собой подлинно иерархичную сверху донизу нацию и поэтому понимает необходимость каждого народа занимать “должное место” в мире» [1, с. 18–19]. Основные положения концепции были сформулированы в докладе премьер-министра Хироги Коки на имя импе-

ратора от 15 августа 1936 г.: «Именно в соответствии с основополагающими принципами империи мы должны стремиться называться и фактически стать стабилизирующей силой для обеспечения мира в Восточной Азии, что в конечном итоге будет способствовать миру и благополучию человечества. Основополагающая национальная политика для Японии, продиктованная преобладающей внутренней и международной ситуацией, заключается в обеспечении прочной дипломатической и оборонительной позиции на Восточно-Азиатском континенте и распространении национального влияния на Южные моря» [19]. Официально концепция была провозглашена министром иностранных дел Японии Мацуока Ёсукэ 1 августа 1940 г. в официальном правительственном заявлении: «Основная цель национальной политики Японии заключается в твердом установлении мира во всем мире в соответствии с высоким духом “Хакко Итиу”, на котором была основана страна, и в строительстве, в качестве первого шага, нового порядка в Великой Восточной Азии, создав для этого солидарность Японии, Маньчжоу-го и Китая» [26].

Отстаивание принципа иерархичности было официально объявлено как одна из причин вступления в войну с США и Великобританией 7 декабря 1941 г.: «Императорское правительство ни в коем случае не может примириться с продолжением подобного положения, поскольку оно полностью противоречит принципам национальной политики империи, которая направлена на то, чтобы каждая страна смогла занять свое особое место в мире» [9, с. 392].

Таким образом, можно видеть, что идеологический базис японской императорской армии был основан на глубоких культурных традициях японского народа, он формировался на протяжении длительного периода времени. Окончательно идеология императорской армии оформилась при непосредственном участии радикальных милитаристских кругов. Итоги Первой мировой войны, экономические трудности, сокращение армии вели к росту политической активности офицерского состава вооруженных сил. Наиболее радикальными взглядами отличалась группировка «Фракция императорского пути» («Кодоха»), во главе которой стоял генерал-лейтенант Араки Садао [22, с. 21]. Заняв пост военного министра в 1931 г., Араки Садао развернул массовую пропагандистскую кампанию, нацеленную на повышение «боево-

го духа» японской нации. Одним из элементов пропагандистской кампании стал случай с майором Куга Нобору. Попав в плен к китайцам, после освобождения он покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать позора. Военный министр Араки широко использовал этот пример в милитаристской пропаганде [14].

Еще одним событием, использованным в массовой пропаганде, стала гибель трех японских солдат – Такэдзи Эсита, Иносукэ Сакуэ, Удзуру Китагава – при попытке взорвать бангалорской торпедой проволочное заграждение перед китайскими позициями во время уличных боев в Шанхае в 1932 г. Рядовой эпизод уличных боев получил широкое освещение в японской прессе. Утверждалось, что их смерть была осознанным выбором, символизировавшим истинный японский дух. Погибшие военнослужащие стали национальными героями. Их имена были нанесены на бронзовые таблички в храме Ясукуни. Портреты и художественные изображения подвига многократно тиражировались, выставлялись в общественных местах. Об этом событии снимались фильмы и записывались песни. Скульптурные изображения солдат были созданы в нескольких городах Японии [17, с. 76–77].

Араки Садао принял участие в создании шести из двенадцати эпизодов пропагандистского фильма «Япония в чрезвычайное время», вышедшего на экраны в 1933 г. Садао стремился внушить зрителям идею о «божественной миссии» Японии в Юго-Восточной Азии, а также подчеркивал необходимость противостоять западным странам не только в области внешней политики, но и в области идеологии. Исследователь Г. Бикс приводит точку зрения Араки Садао на взаимоотношения императора и японских вооруженных сил, отражающую влияние концепции кокутай: «Наши вооруженные силы – одновременно вооруженные силы императора и национальные вооруженные силы. Поэтому, они... – главное воплощение нашего национального достоинства. Так как мы осуществляем императорский путь, проявленный в трех императорских регалиях, переносим из императорского пути дух основания вооруженных сил. Дух японских вооруженных сил проявляет священный дух его величества, которое командует японскими вооруженными силами. Я полагаю, что наш дух выражает сердце императора, которое проявляется в том, почему имперские силы двигаются только по команде императора» [14].

Завершающим этапом установления идеологии стало подавление оппозиционных течений в политике и общественной жизни и установление тоталитарного режима, не допускавшего никакого инакомыслия. В 1940 г. в Японии окончательно сформировалась «новая политическая структура». Все политические партии заявили о самороспуске. 17 августа 1940 г. была опубликована «Программа новой структуры», которая предполагала «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях» и базировалась на «единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору» [3, с. 69].

Таким образом, к началу 1930-х гг. в Японии сформировалась охватывающая все общество идеология, созданная милитаристскими кругами, главной особенностью которой было то, что она была основана на традиционной культуре и религиозных верованиях японского народа. Именно глубокие корни милитаристской идеологии делали ее носителей столь стойкими к любым внешним воздействиям. Японскую милитаристскую идеологию не смогли пошатнуть ни крах японской военной машины, ни разрушение промышленности, ни потеря территорий. Более того, одна из ключевых идей милитаристской концепции кокутай – идея божественного происхождения императора – стала важнейшим фактором в прекращении войны и создании новой политической системы демократической Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
2. «Гундзин тэкую» («Императорское указание военнослужащим») как памятник военной истории Японии // Письменные памятники Востока. 2006. № 1. С. 46–53.
3. История войны на Тихом океане: в 5-ти т. Т. 3. Первый период войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
4. Комаровский Г.Е. Государственный синто // Синто – путь японских богов: в 2-х т. Т. I. Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 261–311.
5. Кувахара Я., Оллред Г.Т. Камикадзе. Эскадрилья летчиков-смертников. М.: Центрполиграф, 2004.
6. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007.

7. Молодяков В.Э. Синто и японская мысль // Синто – путь японских богов: в 2-х т. Т. I. Очерки по истории синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 634–688.
8. Нитобэ И. Японский воин. М.: Центрполиграф, 2009.
9. Нота Соединенным Штатам Америки от 8 декабря 1941 г. // История войны на Тихом океане: в 5-ти т. Т. 3. Первый период войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. С. 386–394.
10. Основные принципы кокутай // Синто – путь японских богов: в 2-х т. Т. II. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002. С. 335–357.
11. Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрина, политика. М.: Восточная литература, 1990.
12. Совастеев В.В. Политическая культура Японии во второй половине XIX – XX в. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003.
13. Benesch, O., 2011. Bushido: the creation of a martial ethic in late Meiji Japan. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
14. Bix, H.P., 2009. Hirohito and the making of modern Japan. New York: Perennial.
15. Brownlee, J.S., 2000. Four stages of the Japanese Kokutai [national essence]. Paper for University of British Columbia: JSAC Conference. URL: <http://www.adilegian.com/PDF/brownlee.pdf>
16. Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944.
17. Earhart, D.C., 2008. Certain victory: images of World War II in the Japanese media. Armonk; London.
18. Handbook on Japanese military force. Technical manual TM-E30-480. Washington: Government Printing Office, 1944.
19. Hirota cabinet's national and foreign policies (informally reported to the Emperor on 15 August 1936). URL: <http://www.ibiblio.org/pha/timeline/144app01.html>
20. Imperial rescript on education. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944. P. 29.
21. Intelligence bulletin, Vol. II, no. 9, 1944.
22. Munderloh, M., 2012. The Imperial Japanese army as a factor in spreading militarism and fascism in prewar Japan. M.A. dissertation, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich.
23. Oshiro, G.M., 1985. Internationalist in prewar Japan: Nitobe Inazo, 1862–1933. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
24. Redekop, W.B., 1964. Education for loyalty in prewar and postwar Japan. M.A. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.
25. The constitution of the Empire of Japan. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 2: Government and administration. Washington: Government Printing Office, 1945.
26. The Greater East Asia co-prosperity sphere. The official statement of the Japanese government, August 1, 1940. URL: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Japan/Japan-1940.htm>
27. Tucker, J.A., 2002. Tokugawa intellectual history and prewar ideology: the case of Inoue Tetsujiro, Yamaga Soko, and the forty-seven Ronin. Sino-Japanese Studies, no. 14, pp. 35–70.

REFERENCES

1. Benedict, R., 2004. Khrizantema i mech: Modeli yaponskoi kul'tury [The Chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
2. «Gundzin tyokuyu» («Imperatorskoe ukazanie voennosluzhashim») kak pamyatnik voennoi istorii Yaponii [«Gunjin Chokuyu» («Imperial rescript to soldiers and sailors») as a source of Japan's military history], Pis'mennye pamyatniki Vostoka, no. 1, 2006, pp. 46–53. (in Russ.)
3. Istoriya voiny na Tikhom okeane: v 5-ti t. T. 3. Pervyi period voiny [The history of the Pacific War: in 5 volumes. Vol. 3. The first period of war]. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958. (in Russ.)
4. Komarovskiy, G.E., 2002. Gosudarstvennyi sinto [State Shinto]. In: Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2-kh t. T. I. Ocherky po istoriy sinto. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 261–311. (in Russ.)
5. Kuwahara, Y. and Allred, G., 2004. Kamikadze. Eskadrii letchikov-smertnikov [Kamikaze. Suicide squadrons of pilots]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
6. Molodyakov, V.E., Molodyakova, E.V. and Markaryan, S.B., 2007. Istoriya Yaponii. XX vek [History of Japan. XXth century]. Moskva: IV RAN; Kraft+. (in Russ.)
7. Molodyakov, V.E., 2002. Sinto i yaponskaya mysl' [Shinto and Japanese thought]. In: Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2-kh t. T. I. Ocherki po istorii sinto. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 634–688. (in Russ.)
8. Nitobe, I., 2009. Yaponskii voyn [Japanese soldier]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
9. Nota Soedinennym Shtatam Ameriki ot 8 dekabrya [Japanese note to the United States of America. December 8, 1941]. In: Istoriya voiny na

Tikhom okeane: v 5-ti t. T. 3. Pervyi period voyny. Moskva: Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1958, pp. 386–394. (in Russ.)

10. Osnovnye printsipy Kokutai [Basic principles of Kokutai]. In: Sinto – put' yaponskikh bogov: v 2-kh t. T. II. Teksty sinto. Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 335–357. (in Russ.)

11. Sila-Novitskaya, T., 1990. Kul't imperatora v Yaponii: mify, istoriya, doktrina, politika [Cult of Emperor in Japan: myths, history, doctrine, and politics]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

12. Sovasteev, V.V., 2003. Politicheskaya kul'tura Yaponii vo vtoroi polovine XIX – XX vv. [Political culture of Japan in the late XIXth – XXth century]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dalnevostochnogo univeriteta. (in Russ.)

13. Benesch, O., 2011. Bushido: the creation of a martial ethic in late Meiji Japan. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.

14. Bix, H.P., 2009. Hirohito and the making of modern Japan. New York: Perennial.

15. Brownlee, J.S., 2000. Four stages of the Japanese Kokutai [national essence]. Paper for University of British Columbia: JSAC Conference. URL: <http://www.adilegian.com/PDF/brownlee.pdf>

16. Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944.

17. Earhart, D.C., 2008. Certain victory: images of World War II in the Japanese media. Armonk; London.

18. Handbook on Japanese military force. Technical manual TM–E30–480. Washington: Government Printing Office, 1944.

19. Hirota cabinet's national and foreign policies (informally reported to the Emperor on 15 August 1936). URL: <http://www.ibiblio.org/pha/timeline/144app01.html>

20. Imperial rescript on education. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 15: Education. Washington: Government Printing Office, 1944. P. 29.

21. Intelligence bulletin, Vol. II, no. 9, 1944.

22. Munderloh, M., 2012. The Imperial Japanese army as a factor in spreading militarism and fascism in prewar Japan. M.A. dissertation, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich.

23. Oshiro, G.M., 1985. Internationalist in prewar Japan: Nitobe Inazo, 1862–1933. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.

24. Redekop, W.B., 1964. Education for loyalty in prewar and postwar Japan. M.A. dissertation, University of British Columbia, Vancouver.

25. The constitution of the Empire of Japan. In: Civil affairs handbook: Japan. Section 2: Government and administration. Washington: Government Printing Office, 1945.

26. The Greater East Asia co-prosperity sphere. The official statement of the Japanese government, August 1, 1940. URL: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Japan/Japan-1940.htm>

27. Tucker, J.A., 2002. Tokugawa intellectual history and prewar ideology: the case of Inoue Tetsujiro, Yamaga Soko, and the forty-seven Ronin. Sino-Japanese Studies, no. 14, pp. 35–70.